

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X42

Wendy Higgins
SWEET PERIL

*Печатается с разрешения издательства
HarperCollins Children's Books,
a division of HarperCollins Publishers,
и литературного агентства Synopsis*

Перевод с английского Марии Сухановой

Хиггинс, Венди.

X42 Сладкая опасность: [роман] / Венди Хиггинс; пер. с англ.
М. Сухановой — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с. —
(Сладкое зло).

ISBN 978-5-17-108732-6

Анна Уитт дала себе слово, что не станет губить души, как ее отец. Но сдержат обещание не так-то просто, когда демоны следуют за тобой по пятам... Анна готова сделать все, чтобы покончить с их влиянием, даже если ради этого скромной и доброй девушке придется стать королевой вечеринок. Сложнее всего справиться с запретной любовью к Каидану...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-108732-6

Copyright © 2013 by Wendy Higgins
© М. Суханова, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Натану Хиггинсу,
вся жизнь которого —
образец настойчивости,
трудолюбия и верности.*

АУРЫ

Цвет	Значение	Оттенки
Розовый	Любовь	Светло-розовый — прочная привязанность (например, между членами семьи), темно-розовый — страстная любовь.
Красный	Плотское вожделение	
Желтый	Счастье	
Оранжевый	Волнение, радостное предвкушение	
Светло-зеленый	Благодарность	
Темно-зеленый	Зависть/ревность	
Сиреневый	Мир, спокойствие	
Темно-фиолетовый	Спесь, самодовольство	
Бледно-голубой	Надежда, облегчение	

Цвет	Значение	Оттенки
Ярко-синий	Горе, печаль	
Серый, коричневый	Отрицательные эмоции	Насыщенность цвета определяется интенсивностью эмоции. Светло-серый соответствует умеренно негативным эмоциям, таким как смущение или раздражение, обычный серый или коричневый — стыду, чувству вины, страху, злости. Темный, почти черный оттенок говорит об очень сильной отрицательной эмоции — например, бешеной ярости или полном отчаянии.

Пролог

Чрезвычайный форум, 1748 год, Рим, Италия

Жители Рима и не подозревали, что все 666 демонов, обитающих на земле, той ночью облюбовали печально знаменитый Колизей. Двенадцать повелителей присутствовали в человеческом обличье, остальные парили в воздухе, заслоняя небесные светила.

Рахав, повелитель гордыни, расположился в центре. Всеобщее внимание будоражило его, и он окинул свирепым взором многотысячную толпу потомков повелителей — исполинов, — созданных в Рим со всех концов света.

— Официально объявляю форум открытым, — провозгласил Рахав.

Повелители и духи почтительно выразили свое одобрение: первые — скандированием, вторые — хлопаньем и свистом огромных крыльев; всё это слилось в жуткую какофонию, заполнившую собой пространство Колизея. Исполины застыли в напряженном ожидании — пришло время Рахаву огласить причину, по которой их собрали.

— Дошло до нас, что двое из вас, исполинов, не считают более необходимым трудиться в поте лица своего на ниве зла, хотя только для этого их и растили.

Никто не шелохнулся.

Рахав глазами отыскал в толпе молоденькую девушку — совсем еще девочку, — которая дернулась под безжалостным взглядом, как ужаленная, и отвела свои миндалевидные глаза. Из ее высокой прически выпал темный локон.

— Выходи, дочь Алоцера. — При этих словах девушка всем телом задрожала.

— Феми? — повелитель гнева Алоцер, недовольно нахмурившись, шагнул вперед, ища глазами свою дочь.

— Отец... — Для обыкновенного человеческого уха шепот Феми был неразличимо тихим, но его расслышали все, кто находился в эту ночь в Колизее.

— Поди сюда, — сказал Алоцер. — Чем ты провинилась?

Феми, шурша египетскими шелками, приблизилась к нему.

— Умоляю, отец, смилуйся надо мной! Я ношу ребенка, твоего внука.

Алоцер помолчал, морщины на его лбу разгладились.

— Это всё? Ты знаешь, конечно, что не переживешь роды?

Феми потупилась и кивнула. Алоцер повернулся к Рахаву и с нескрываемым раздражением заговорил:

— Это ведь довольно обычное дело, Рахав. Вряд ли стоило созывать чрезвычайный форум из-за беременности усердно работающей девушки.

— Ну, разумеется, — насмешливо произнес Рахав, поворачиваясь к Феми. — Уверен, эта беремен-

ность — результат неустанных трудов. Вне всякого сомнения, ты приобрела ее, вводя в грех кого-то из людей... Так ли это, дочь Алоцера?

Так вот в чем причина! Лицо девушки в ужасе исказилось. Она принялась было шарить глазами в толпе, но встречала лишь пустые и враждебные взгляды, а затем бросилась на колени перед отцом и принялась исступленно целовать его ноги. Алоцер в изумлении уставился вниз:

— Кто он? С кем ты была?

Феми отчаянно замотала головой, ее окончательно растрепавшиеся волосы мели землю вокруг ног повелителя.

Рахав нагнулся и, схватив Феми за волосы, рывком развернул ее лицом к себе:

— Отвечай отцу. Скажи ему!

Но Феми лишь плакала, а когда Рахав потянул сильнее, закричала от боли. — Страх не дает ей говорить, и это объяснимо, потому что отец ее ребенка — не человек. Он из этих. Из ее породы.

Толпа хором ахнула, потом все зашептались и зашикали друг на друга. Алоцер сощурился так, что глаза превратились в две тонкие щелочки, и по очереди поглядел на Феми и Рахава.

— Это точные сведения. — В уголках губ ухмыляющегося Рахава выступила пена. — Подозрение возникло у одного из моих самых преданных легионеров, а затем мы получили подтверждение от испы, которая знала обоих.

— Так о ком речь? — спросил повелитель ненависти Сонеллион, сверкнув прозрачными ледяными глазами. — Кого нам надо наказать?

Рахав поднял бровь, нарочно затягивая ожидание.

— Ёсиро, сын Иезавета.

— Не может быть! — к Рахаву подскочил Иезавет, повелитель лжи, и в его глазах сверкнул красный огонь. Ростом он был меньше остальных повелителей, но превосходил всех скоростью и меткостью. — Где испа, осмелившаяся возводить подобные обвинения?

— Мне очень жаль, — Рахав прижал ладонь к сердцу, — но раскрыв нам эту ужасную правду, она лишила себя жизни.

— Ёсиро всегда верно служил нашему делу! — закричал Иезавет, не обращая внимания на ужимки Рахава.

— Увидим. Ёсиро, выйди вперед.

Толпа начала расступаться, пропуская Ёсиро. Статный — выше отца — юноша с тонким изогнутым мечом за поясом приковал к себе все взгляды.

— Ни шагу дальше, — скомандовал Рахав. — Сложи оружие, или его отберут у тебя силой.

Иезавет принялся бранить сына:

— Глупый мальчишка! О чем ты думал? Твое дело — вредить людям, а не терять время с сестрой-исполинкой!

Ёсиро посмотрел на Феми, которая продолжала лежать у ног отца, и, вытащив меч из-за пояса, положил его на землю.

— Это только моя вина, — сказал он, обращаясь ко всем повелителям. — Оставьте Феми.

— Как романтично! — В голосе Рахава звучала легкая насмешка. — Но не следует ли мне указать на очевидное? Вы вдвоем обрекли Феми на смерть в тот самый миг, когда она зачала. Печально.

Некоторое время Рахав с мрачной улыбкой расхаживал по арене, молча рассматривая толпившуюся на расстоянии публику, потом заговорил снова:

— А вы знаете, что на месте, где вы стоите, когда-то погибло с полмиллиона человек? Сейчас эти стены жаждут крови своей юности. Отличное место для наших собственных игр, как вам кажется? Очень надеюсь, что пара наших маленьких гладиаторов — тут он поднял бровь, повернувшись к Ёсиро и Феми, — сейчас попробует сбежать... — Те замерли в оцепенении, как будто не могли поверить, что их тайна раскрыта и жизнь пришла к столь плачевному концу. Несколько повелителей засмеялись, но без особого веселья, а остальные исполины постарались отодвинуться как можно дальше от центра событий.

— Ну, что же вы? — обратился Рахав к любовникам и с жестокой улыбкой резко вытянул вперед обе руки. — Это ваш шанс. Бегите!

Феми, всхлипывая, поднялась на ноги и пробралась между повелителями к Ёсиро. Взявшись за руки, они вдвоем побежали по полуразрушенному Колизею, а с обеих сторон над ними, не отставая, неслись глумливые духи. Некоторые повелители злорадно улюлюкали, наслаждаясь зрелищем.

— Эй, ты! — Взгляд Рахава выхватил из толпы стоящего с краю молодого испа с луком за плечом. Тот с каменным лицом вышел вперед.

— Убей обоих, — приказал Рахав.

Исп стиснул зубы и, мгновение поколебавшись, кивнул. Вытащил стрелу из висевшего за спиной колчана, положил на тетиву. Со лба у него, несмотря на

прохладную ночь, скатилась капелька пота, и он, наклонив голову, вытерся о рукав.

— Сейчас уйдут, болван! — закричал ему Сонеллион.

Исп не спеша навел своё оружие на бегущих, сконцентрировав до предела зрение и слух. Кадык юноши дернулся, выдавая попытку нервно сглотнуть; затем он выпустил из лука стрелу, а через секунду — вторую.

Обе попали точно в цель. На пару мгновений в Колизее воцарилась мертвая тишина. Феми и Ёсиро рухнули замертво друг на друга, так и не разжав руки, а стрелок в изнеможении опустил лук и с поникшей головой вернулся в толпу.

— Это еще что такое? — возмутился Фамуз, повелитель смертоубийства. — Раз-два — и готово? А потех где?

— Тише, Фамуз, — хохотнул Рахав. — Трудно рассчитывать на большее, когда пользуешься услугами испа. Пусть, — тут он заговорил громче, так что его голос был слышен даже в задних рядах толпы исполинов, — это послужит всем вам предостережением. Вы существуете только для одного — дабы вводить во грех род людской. Кто смеет отлынивать, теряет право находиться на земле. И если вы об этом позабудете, то уж я-то не позабуду. Можете быть уверены. А теперь вон отсюда! Мы переходим к закрытой части собрания.

Толпа смешалась, испы толкались и теснили друг друга, торопясь поскорее обратиться к глаз повелителей.

Иезебет и Алоцер стояли посреди этой суеты с каменными лицами.

Рахав хрустнул пальцами и поглядел вслед последним уходящим испам.

— Уже не одно столетие я твержу, что эти непредсказуемые полукровки не стоят наших усилий. И всё-таки вам, остальным, почему-то непременно надо заводить эту мерзость, тупую, как люди, и опасную, как дикие звери.

Он улыбнулся своим мыслям, а потом сказал вслух:

— Сам Бог их покинул и позабыл.

*Надежда — штучка с перьями —
В душе моей поёт —
Без слов одну мелодию
Твердить не устаёт...*

— Эмили Дикинсон*

*К любви нельзя принудить, к любви нельзя
склонить.*

— Перл Бак

* Перевод Бориса Львова.

Июнь

Лето перед выпускным годом

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тусовщица

Я клялась, что никогда не займусь делом отца-демона. Не стану развращать человеческие души, склоняя людей к разрушению собственных тел наркотиками и алкоголем.

Наивное обещание. Наивные представления об очень многих вещах.

Гулкие басы, полутемная комната, все танцуют. Я забралась на кофейный столик и якобы не замечаю устремленных на меня взглядов. В основном они дружелюбные, но кто-то смотрит с вожделением, кто-то с осуждением, встречается и зависть. Сегодня столик понадобился мне не столько для привлечения внимания, сколько для улучшения обзора. Неподалеку шастал дух-демон, так что следовало быть настороже. Перед тем я не встречала их целую неделю — самый долгий интервал после новогоднего форума.

Джей и Вероника — мои лучшие друзья из числа людей — тоже пришли на вечеринку, причем как официальная пара: они уже четыре месяца как помирились. Обстоятельства их ссоры в Новый год, когда Джей целовался с Марной, моей подругой-испой, сделались запретной темой. Марна, дочь Астарота — повелителя прелюбодеяния, — была равнодушна к Джею, но целовала его, зная о сильном чувстве между ним и Вероникой.

Я искала среди танцующих Джея и Веронику, но не увидела: наверное, играют в карты в подвале и вскоре засобираются домой. А мне нельзя было уходить так рано — еще до полуночи — из-за шептуна.

Он был тут — распластался по потолку, словно нефтяное пятно по воде, — и стоило ему появиться, как веселая жизнерадостная атмосфера вечеринки сменилась на мрачную и зловещую.

Я танцевала на столике, хотя ужас острыми иглами раздирал меня изнутри, а сердце выпрыгивало из груди. Сколько уже времени прошло, а от шептунов меня по-прежнему бросало в дрожь. Дух с недовольным видом рассматривал улыбающихся людей и пикировал то к одному, то к другому, нашептывая мерзости. Танцующие стали сердиться друг на друга, у кого-то что-то пролилось, кто-то кого-то толкнул.

Когда я спрыгнула со столика и направилась в кухню, демон последовал за мной. Несколько человек попытались меня остановить и заговорить, но я притворилась, что никого не замечаю.

Темная тень стремительно подлетела ко мне, и в мой мозг противной слизью просочился шепот:

— *Дочь Белиала, это веселье совсем не буйное.*

Я скрипнула зубами, напряглась всем телом, чтобы окружающие не увидели, как меня трясет, и, стремясь поскорее выгнать демона из головы, отправила мысленный ответ:

— *Знаю. Сейчас всё переменится.*

На кухне меня тепло приветствовали поднятыми бокалами и радостными возгласами.

Ровесники простили мне прошлое пренебрежение их обществом и, навсегда похоронив память обо мне